О.А.Митрошенков,
доктор философских наук, профессор

ЭКСПЕРТИЗА КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ: ТРУДНОСТИ РОСТА И ОТНОШЕНИЯ С ВЛАСТЬЮ

После драматических коллизий и трагедий XX века не кажется преувеличением мысль, что современные политики и эксперты в области политики порой походят на дикарей, внезапно забредших в мир вековой цивилизации. Они владеют средствами для того, чтобы помочь людям жить лучше и полнее, но многие из них так и не смогли обрести ни исторического чутья, ни чувства исторической ответственности. В них обнаруживается сила и спесь современного прогресса, однако отсутствует высокий и благородный дух. Часто они и не помышляют о духе, и новые поколения политиков и политических экспертов, желая править миром, смотрят на него, как на первозданный рай, где нет ни предшествующих поколений и давних следов, ни давних проблем.

Кому и какой здесь должен быть предъявлен счет? Ведь если подобный тип людей будет по-прежнему хозяйничать в политике и право решать останется за ним, человечество может одичать, а его достижения исчезнут с той же легкостью, с какой не раз исчезали секреты мастерства. Сегодняшний избыток возможностей способен обернуться и уже обернулся нуждой и бесплодием для многих народов планеты.

Разумеется, не все столь беспросветно. И тем не менее, важно вглядеться в политиков и экспертов и их отношения, эту чистую потенцию как высшего блага, так и высшего зла. Возможно, это позволит избежать некоторых опасностей, вызываемых их неуемной деятельностью, часто, слишком часто напоминающей грациозность слона в посудной лавке.

Зарубежный опыт экспертизы и консультирования в политике

Повсеместно признано, что научная экспертиза и другие формы экспертного обеспечения политики — важная часть процесса подготовки политических решений. Ибо, во-первых, мир и общество стремительно усложняются, не укладываясь в простые схемы, во-вторых, столь же стремительно возрастает цена каждой политиче-

ской ошибки. Здесь не обойтись без тщательной подготовки решений и, соответственно, без квалифицированных аналитиков, консультантов, экспертов, которые производят особый, специфический тип знания, предназначенный для интегрирования в практическую политику.

Сложнодиверсифицированный характер современной политики обусловливает многоаспектность экспертизы и, соответственно, специализацию экспертов. Уважающие себя специалисты в области внешней политики и международных отношений не возьмут на себя риск быть экспертами в сфере, например, социальной политики, а асы внешнеэкономических связей едва ли способны помочь политикам в решении вопросов внутриполитической жизни. Поэтому рассмотрение феномена экспертизы требует учета особенностей труда экспертов, обусловленных спецификой объекта их внимания, и недопущения механической экстраполяции принципов и закономерностей одного вида экспертизы на другие.

Вместе с тем очевидно, что все разновидности политической экспертизы имеют и нечто общее, например, наличие института экспертизы, факт определенного отношения к нему политиков, место и роль его в реальной политике, характер и влияние социокультурного и цивилизационного контекста, уровень профессионализма экспертов и т.д. Это позволяет анализировать экспертизу как некий целостный, хотя и неоднородный, феномен. Разумеется, такой анализ только выиграет при углубленном рассмотрении конкретных видов экспертизы.

Уяснение природы и сущности феномена и института экспертизы, ее места и роли в реальной политической жизни требует обращения к опыту, накопленному в этой сфере хотя бы некоторыми странами. Рассмотрим опыт лишь Соединенных Штатов Америки, несомненного лидера современного западного мира[1].

В политической жизни США информация считается едва ли не более сильной валютой, чем собственно деньги[2]. Растет число государственных служащих, занимающихся выработкой политического курса, увеличивается количество учреждений, поставляющих для них информацию.

Можно выделить, по меньшей мере, два крупных типа информации и ее источников.

1. «Обычные знания» — несистематизированная информация, поступающая от тех, кто не претендует на компетентность в данном

[1] Этот анализ, разумеется, не может считаться исчерпывающим.

[2] *Рич Э., Уивер К.Р.* Пропагандисты и аналитики: «мозговые центры» и политизация экспертов // Pro et Contra. 2003. Т. 8. № 2. С. 64.

вопросе (письма, звонки, критическое освещение значимых проблем в прессе, опросы общественного мнения, редакционные статьи и мнения экспертов, публикуемые в газетах и журналах)[1].

2. «Прикладные политические исследования» — упорядоченная информация, поступающая от специалистов, считающих себя особо компетентными в каких-либо областях политики. Методы, применяемые в рамках этих исследований, призваны обеспечить «объективность» выводов, т.е. гарантировать, что они не отражают пристрастий тех, кто проводит эти исследования или финансирует их. Сегодня подобную информацию поставляет множество источников — специальные отделы федеральных органов; собственные службы конгресса США (предпочитающего не доверять в этом вопросе исполнительной власти) — Бюджетное управление, Главное контрольно-финансовое управление, Исследовательская служба; университеты, различные группы интересов, организующие экспертные исследования; независимые некоммерческие организации («мозговые центры») и т.д.

«Мозговые центры» — важнейший тип политических учреждений США, занимающихся прикладными исследованиями. Многие десятилетия они предпочитают действовать в качестве «компетентных, но нейтральных» альтернативных источников информации. Их данные выгодно отличаются от тех, что поставляют традиционные группы влияния в политических кругах США, информация которых (групп) не заслуживает доверия в силу преследования ими собственных интересов.

«Мозговые центры» играли заметную роль в выработке политического курса США на протяжении всего прошлого века. Представители деловой и политической элиты стали финансировать их и пользоваться их услугами при решении проблем, обострившихся в период промышленного роста начала XX в. В это время экономисты, социологи, политологи стали проводить интенсивные исследования, укреплявшие веру в то, что с помощью специальных знаний можно решать проблемы общества, прежде всего бедности и неравенства. «Мозговые центры» создавались именно с целью выработки таких знаний[2].

Так, исследования Фонда им. Рассела Сейджа (RSF, основан в 1907 г.) призваны были помочь в решении насущных проблем индустриального общества — облегчении участи бедных, переведении социальной помощи на профессиональную основу, выработке законодательства и т.д. Институт изу-

[1] *Рич Э., Уивер К.Р.* Пропагандисты и аналитики: «мозговые центры» и политизация экспертов. С. 64 — 65.

[2] См. там же. С. 65 — 67.

чения государственного управления (IGR, создан в 1916 г.) предназначался для того, чтобы сделать более эффективным процесс формирования федерального бюджета, и сыграл решающую роль при образовании в 1921 г. Бюджетного бюро в составе Министерства финансов. Слившись с другими организациями и преобразовавшись в 1927 г. в Институт Брукингса, этот «мозговой центр» работал над повышением эффективности органов управления, тем более что государство существенно расширяло сферу своих обязательств.

Великая депрессия усилила спрос на специалистов, способных помочь правительству решить социальные и экономические проблемы. В рамках «Нового курса» Ф.Рузвельт создал собственные «мозговые тресты», где были собраны профессионалы из академической среды, вошедшие таким образом в круг советников президента. Они помогали разрабатывать программы правительства, основанные на экономических теориях Д.М.Кейнса. Несмотря на споры экспертов с чиновниками по поводу растущей роли государства, спрос на компетентных экспертов неуклонно возрастал, создавались все новые «мозговые центры». Комитет содействия экономическому развитию (CED, 1942) ставил задачу разработать программу занятости после окончания войны. Корпорация РЭНД (1946) проводила стратегические аналитические исследования по широкому кругу вопросов для Министерства обороны США[1].

Несмотря на то что выводы «мозговых центров» порой противоречили друг другу и вызывали возражения, политическая элита страны постоянно обращалась к их помощи и относилась к ним с уважением. Не являясь единственным источником специальных знаний, «мозговые центры», стремясь оставаться непредвзятыми, занимали в этой области чрезвычайно заметное место. В частности, выработка экономической политики практически не обходилась без рекомендаций ученых-экономистов — как кейнсианцев, так и антикейнсианцев. Специалистов привлекали к управлению государством, язык обсуждения политических вопросов усложнялся. Такая ситуация сохранялась на протяжении 1940—1960-х гг., отражая почти полный консенсус элит относительно высокой роли государства в обществе.

Однако к концу 1960-х гг. положение стало меняться. В условиях обострения ряда острых проблем (борьба за права афроамериканцев, война во Вьетнаме, усиление инфляции вкупе с безработицей и т.д.) возникли сомнения в эффективности государства и его социальных программ. Сплотились противники усиления государства,

[1] См.: *Рич Э., Уивер К.Р.* Пропагандисты и аналитики: «мозговые центры» и политизация экспертов. С. 65 — 67.

тем более что к началу 1970-х гг. их объединяли враждебность к коммунизму и стремление направить ресурсы государства на укрепление обороноспособности, а не на реализацию раздутых социальных программ. В 1973 г. несколько небольших фондов и состоятельных частных лиц создали Фонд наследия — первый «мозговой центр» открыто консервативного направления, что стало поворотным пунктом. В 1970-1980 гг. эта консервативная тенденция стала весьма масштабной и доминирующей в прикладных исследованиях. Либеральные же фонды переключились с финансирования прикладных исследований на поддержку низовых организаций и демонстративных проектов. В результате возникло «идеологическое неравенство»: получение средств из фондов стало существенно зависеть от идейных установок[1].

Новые «мозговые центры», стремившиеся преодолеть этатистские настроения и интенции, в корне отличались от существовавших ранее. Они стали сочетать в себе открытую приверженность определенной политике, партии или идеологии с агрессивной пропагандой своих идей и стремлением оказывать влияние на текущую политику.

В результате декларировавшиеся ранее объективность и непредвзятость прикладных исследований, считавшиеся несомненной

ценностью и нормой в научном мире и достоинством «мозговых центров», были заменены неприкрытой конкретной политической и идеологической ориентацией, прежде всего консервативной. Сотрудники этих организаций подбираются с учетом идеологических взглядов, а их руководители используют результаты исследований для пропаганды соответствующей идеологии. Они стремятся активно участвовать в формировании политического курса. Подобного типа «мозговые центры» появились и в либеральной и центристской среде.

К 1990-м гг. в США сформировалось широкое многообразие «мозговых центров», различающихся по идеологии и масштабам деятельности — от солидной корпорации РЭНД (исследования в области оборонной политики) с бюджетом почти 118 млн долларов до мелких и идеологически агрессивных организаций типа консервативного Института янки по исследованиям в области государственной политики (исследования проблем штата Коннектикут) с бюджетом менее 50 тыс. долларов.

В условиях многообразия и непрерывного роста «мозговых центров» в США любые попытки классификаций — дело рискованное и

[1] Эти процессы рассматриваются в работе: *Callaban D.* Liberal Policy's weak Foundations // The Nation. 1995. 13 XI. P. 568 — 572.

неблагодарное. Тем не менее американские исследователи Э.Рич и К.Р.Уивер считают возможным выделить три отчетливо выраженных типа в современной индустрии «мозговых центров», различая их по: а) задачам; б) производимой продукции; в) источникам финансирования; г) составу и квалификации сотрудников (см. табл. 1).

Таблица 1

Категории «мозговых центров» США, 1980-е гг.*

Основные параметры «мозговых центров»	Основные типы «мозговых центров»		
	«Университеты без студентов»	Контрактные научно-исследовательские центры	Пропагандистские исследовательские центры
Цели и задачи	Объективный анализ политических мер, рекомендации на перспективу	Объективный политический анализ, часто по узким конкретным областям	Оперативные исследования для политиков, влияние на процесс вы-работки политических решений
Источники финансирования	Частные фонды, фонды-организации, а также контракты, пожертвования частных организаций	Основные: госзаказы; дополнительные: частные фонды	Частные лица, корпорации, фонды
Продукция	Книги, научные статьи	Отчеты об исследованиях, монографии	Краткие справки и информационные материалы, пресс-релизы
Сотрудники	Специалисты с широким университетским образованием с докторской степенью	Научные работники со степенью доктора или магистра в области госуправления и политологии	В основном лица с опытом политической деятельности, многие с научной степенью
Примеры	Институт Брукингса, Фонд Рассела Сейджа и др.	Корпорация РЭНД, Институт городского развития и др.	Фонд наследия, Институт Като и др.

* *Источники: Weaver K.R.* The Changing World of Think Tanks // P.S.: Political Science and Politics. 1989. Sept. P. 563 — 579; *Рич Э., Уивер К.Р.* Пропагандисты и аналитики: «мозговые центры» и политизация экспертов // Pro et Contra, 2003. Т. 8. № 2. С. 71 — 74.

«Университеты без студентов» и контрактные научно-исследовательские центры относятся к организациям «старшего поколения» и придают большое значение принятым в академических кругах нормам объективности и полноты исследований.

Пропагандистские исследовательские центры представляют собой новейшие категории «мозговых центров» разной идеологической направленности (от консерваторов до левых профсоюзов), стремящихся быстро реагировать на запросы политиков, особенно зако-

нодателей, и оказывать на них непосредственное влияние. Их продукция — краткие и удобочитаемые аналитические справки по конкретным вопросам; главное здесь — не получение собственных оригинальных данных, а выигрышные интерпретации уже имеющихся. «Мозговые центры» этой категории предпочитают привлекать к сотрудничеству не ученых с внушительным перечнем научных званий и списком публикаций, а тех, кто имеет политический опыт, вес и репутацию, работал в органах исполнительной власти или участвовал в предвыборных кампаниях.

Главным следствием деятельности новейших «мозговых центров» является то, что они оспаривают репутацию организаций «старшего поколения» как источников беспристрастных и надежных специальных знаний. Их руководители считают, что разница между «младшими» и «старшими» состоит не в том, что в основе выводов первых лежат определенные идеологические представления, а работы вторых опираются на объективные исследования. В действительности будто бы все научные исследования идеологизированы, только одни заявляют об этом открыто, а другие маскируют свои пристрастия «с помощью общественно-научных методов и особого профессионального языка»[1].

Если подобный взгляд покажется убедительным для политиков и общества, это будет представлять угрозу для всех «мозговых центров», поскольку результаты их исследований всегда можно поставить под сомнение или отмахнуться от них на том основании, что это продукция враждебного идеологического лагеря. Открытые же заявления об идеологических пристрастиях вызывают все более скептическое отношение политической элиты и общественности к самой возможности проведения неидеологизированных, объективных исследований.

Помимо роста числа идеологизированных «мозговых центров» есть и другие факторы, размывающие границы между пропагандистскими и аналитическими организациями. Ряд групп влияния[2] используют научные исследования и их популяризацию как основной способ влияния на политику, тратя на это больше сил и средств, чем собственно на мероприятия поддержки политики. Другие группы влияния[3] основали свои исследовательские институты. А некоторые «мозговые центры» создавались специально для того, чтобы повлиять на ход дискуссий среди двух основных партий США.

---

[1] См.: *Рич Э., Уивер К.Р.* Пропагандисты и аналитики: «мозговые центры» и политизация экспертов // Pro et Contra. 2003. Т. 8. № 2. С. 74.

[2] Например, Центр за науку в интересах общества.

[3] К примеру, Американская ассоциация пенсионеров.

Несмотря на трудно обозримое многообразие современных «мозговых центров», можно определить некоторые характерные их особенности[1].

Количественный рост. Хотя имеются трудности с учетом количества «мозговых центров» (сложности с их идентификацией, распад одних и появление других и т.д.), данные из различных источников свидетельствуют, что с 1970 г. число их увеличилось более чем в три раза и к концу 1996 г. составило примерно 305. Особенно быстро росла численность организаций с выраженной идеологической направленностью. Около 200 центров занимались разработками общенационального уровня[2].

По другим данным, в США насчитывается примерно 1200 исследовательских центров[3].

Растущее влияние консерватизма. Почти половина современных «мозговых центров» не имеют идеологической направленности, описываемой в терминах «правый — левый». Тем не менее быстро растет число тех из них, которые открыто заявляют о своих идеологических пристрастиях. Из 195 созданных после 1976 г. общенациональных и региональных центров таковых 55%. Среди новых же центров общенационального масштаба численное преобладание консервативных над либеральными является двукратным, регионального уровня — трехкратным. Среди них более 3/4 денежных средств получают центры консервативной направленности.

Вашингтон — центр политической жизни. Известно, что близость к структурам и лицам, формирующим политику, является преимуществом для стремящихся быть влиятельными исследовательских центров, особенно общенационального масштаба. По этой причине 54% «мозговых центров» данной категории, созданных до 1971 г., базируются в Вашингтоне. Среди тех, которые возникли после 1971 г., эта доля еще выше — 63%. Те же, чьи штаб-квартиры находятся в других городах, имеют отделения в Вашингтоне, что позволяет им быть на виду и взаимодействовать с политической элитой.

---

[1] См.: *Рич Э., Уивер К.Р.* Пропагандисты и аналитики: «мозговые центры» и политизация экспертов. С. 75 — 84.

[2] См., в частности: Think Tank Directory: A Guide to Nonprofit Public Policy Research Organizations / *Hellebust L.* (ed.). Topeka, Kans.: Covermment Research Service, 1996; *Hollings R.L.* Nonprofit Public Policy Research Organizations: A Sourcebook of Think Tank in Covermment. N.Y., 1993; *Kitfield E.E.* The Capitol Source. Wash., 1995; *McGann J.* The Competition for Dollaps. Scholars and Influence in the Public Policy Research Industriy. N.Y., 1995; *Рич Э., Уивер К.Р.* Пропагандисты и аналитики: «мозговые центры» и политизация экспертов // Pro et Contra. 2003. Т. 8. № 2. С. 76.

[3] См.: *Фогель Г.* Консультирование германской внешней политики и отношения с Россией // Pro et Contra. 2003. Т. 8. № 2. С. 98.

Тематическая специализация. Стремясь завоевать расположение политической элиты, новые «мозговые центры», в отличие от прежних, узко специализируются на одной или нескольких проблемах или одном регионе (если речь идет о внешней политике) и развивают целевой маркетинг. Это облегчает поиск средств, помогает привлечь внимание СМИ и политических деятелей. Однако это связано с риском: если спонсоры или политики утратят интерес к проблеме, которую избрал центр, ему нелегко будет удержаться на плаву.

Создание коалиций. Сотрудничество одних «мозговых центров» с другими, даже разделенными идеологическими барьерами, позволяет им играть более заметную роль; привлекать внимание спонсоров и политиков, с которыми иначе было бы трудно установить контакты и связи; демонстрировать широкую поддержку предлагаемым политическим решениям; избегать дублирования в работе и обеспечивать разделение труда.

Изменения в формате продукции. На фоне этих трансформаций наиболее эффективными зарекомендовали себя те «мозговые центры», которые избрали напористую манеру работы: оперативность и краткость, сжатая и доступная форма аналитических и информационных материалов, издание небольших бюллетеней по политическим вопросам объемом 5 — 10 страниц. Они стали меньше издавать книг, которые к тому же уступают по объему прежним. Основное внимание уделяется изданию монографий, докладов и других публикаций меньшего объема, на подготовку которых требуется не так много времени. Незаменимым средством оперативного распространения актуальных материалов стал Интернет. Появились сайты «мозговых центров», в том числе позволяющие связываться с ними. Примерно такие же процессы, хотя и в меньшем масштабе, происходят в среде «мозговых центров», располагающихся в столицах штатов.

Эти и другие тенденции развития «мозговых центров» в США не позволяют дать однозначного ответа на вопрос о том, какие из них действительно пользуются влиянием в политической жизни страны. Тем не менее некоторые суждения здесь возможны.

«Мозговые центры» пользуются различными каналами влияния на политику. Среди них — выступления на слушаниях в комитетах конгресса и правительственных комиссиях, официальные отчеты для высших должностных лиц и политиков, возможность поработать на государственной службе, неформальные контакты с влиятельными политиками, сотрудничество с ними в составе экспертных групп, распространение результатов исследований и идей через СМИ, Интернет в виде комментариев или интервью.

Американская администрация, несомненно, извлекает пользу не только из масштабов аналитического предложения, но и из особой

организации диалога между политикой и экспертами, построенного по принципу «вращающейся двери». Правительственный аппарат принципиально доступен для сотрудников университетов и исследовательских центров, свободных исследователей и представителей бизнеса. В течение нескольких лет они могут набираться опыта в сфере политической практики, прежде чем (как правило, в связи со сменой администрации) возвратиться в университет, бизнес либо мозговой центр, так или иначе связанный с политическими партиями[1].

На центры, заявляющие о своей научной объективности и неангажированности, приходится около половины упоминаний в ведущих СМИ, что примерно соответствует их удельному весу в общей численности «мозговых центров». Среди центров идеологической направленности консервативные упоминаются в 4 раза чаще либеральных, что намного превышает количественное соотношение между ними. Причина такого разрыва не в предпочтении СМИ, а в том, что консервативные исследовательские центры располагают значительно большими ресурсами — финансовыми и кадровыми, что позволяет им проводит исследования по более широкому кругу проблем и играть более заметную роль, чем их либеральные конкуренты. Столичные исследовательские центры чаще упоминаются в СМИ, чем региональные, даже с учетом поправок на размер бюджета, идеологическую ориентацию и другие факторы.

В конгресс США для выражения своего мнения и дискуссий приглашаются преимущественно представители вашингтонских центров и гораздо реже — от аналогичных организаций федерального уровня, расположенных в других городах. Эксперты исследовательских центров из различных штатов в конгрессе практически не выступают.

Выбор экспертов для выступлений в конгрессе США находится под жестким контролем партии большинства. После 1994 г., когда контроль перешел к республиканцам, в конгрессе выступают в основном представители центров консервативной направленности. Благодаря численному перевесу, большим масштабам деятельности и известности центров консервативной ориентации последние (например, Фонд наследия) воспринимаются в обществе как оказывающие наибольшее влияние на политический процесс.

Вместе с тем по критерию доверия рейтинги оказались выше у организаций без определенной идеологической ориентации, чем у центров открыто консервативной и либеральной направленности[2].

[1] См.: *Фогель Г.* Консультирование германской внешней политики и отношения с Россией // Pro et Contra. 2003. Т. 8 № 2. С. 99.

[2] Подробнее об этом см.: *Rich A.* Perceptions of Think Tanks among Congressional Staff and Washington-based Journalists. A report to Burson Masteller Worldwide. 1997. Dec.; *Рич Э., Уивер К.Р.* Пропагандисты и аналитики: «мозговые центры» и политизация экспертов. С. 83 — 84.

Это есть следствие именно афишируемой идеологической ангажированности современных «мозговых центров», политизированного характера их экспертного анализа. «Политические шаги, за которые они выступают, как правило, определены заранее, а их аргументацию несложно предсказать. На мой взгляд, они заинтересованы не столько в изучении проблемы, сколько в отстаивании заранее данных ответов. И это знают все»[1], — считает известный исследователь Г.Стайн.

Таким образом, можно констатировать, что политизация знаний, вырабатываемых «мозговыми центрами» США, особенно последнего поколения, изменила характер этих знаний и снизила доверие к центрам и их влиятельность. В этих условиях пока остается неясным вопрос, какие последствия для политического процесса имеет очевидное доминирование в экспертном сообществе и политической жизни США консервативной ориентации[2]. Идеологизация специальных знаний, используемых в политическом процессе США, есть результат эволюции «мозговых центров» в последние десятилетия. Сегодня они воспринимаются (а многие таковыми являются) как заинтересованные стороны в ожесточенной и узкофракционной борьбе вокруг стратегического курса государственной политики[3].

Политическая экспертиза в России: реальность и символы

Россия, разумеется, не стоит в стороне от становления и развития экспертного сообщества и института экспертизы в целом, в том числе политической. Эти процессы обусловлены как потребностями политики, так и радикальными трансформациями самой науки. Кризисное состояние последней, истоки которого коренятся в 1990-х гг., связано прежде всего с функциональным кризисом, суть которого в том, что ее прежние, «советские» функции — оборонная, престижная, идеологическая — сегодня практически не востребованы, а до ее потребления в первостепенной для Запада технологической функции наше общество пока не дозрело.

---

[1] Интервью со старшим научным сотрудником American Enterprise Institute (Американский институт предпринимательства) Г.Стайном. 24 сент. 1997 г. // *Рич Э., Уивер К.Р.* Пропагандисты и аналитики: «мозговые центры» и политизация экспертов. С. 85.

[2] В этом доминировании просматривается определенное противоречие. С одной стороны, «мозговые центры» консервативной ориентации заявляют о стремлении преодолеть этатистские взгляды и настроения обществе и собственной среде, с другой — борются за влияние на стратегический курс именно государственной политики.

[3] См.: *Рич Э., Уивер К.Р.* Пропагандисты и аналитики: «мозговые центры» и политизация экспертов. С. 85.

В то же время не вся российская наука оказалась в «функциональном кризисе». Ряд наук как естественного, так и социогуманитарного блоков переключился на выполнение экспертной функции, что позволило им найти свое место в обществе, по крайней мере в лице части их представителей. Это функция не только очень важна, но и чрезвычайно прибыльна, свидетельством чему служит появление разнообразных «независимых» исследовательских центров, претендующих на обладание специальным знанием и продающих его.

Политология относится как раз к таким наукам. В условиях традиционно высокой роли политики в российской действительности спрос на специальные знания о политической сфере оказался весьма значительным. В принципе востребованным является знание как концептуально-теоретического, так и прикладного уровня политической науки. Различие состоит в том, что развитие теоретического знания оплачивается неудовлетворительно и потому сегодня мало привлекает талантливых и серьезных специалистов, особенно молодых, а прикладное знание, предлагаемое консультантами и экспертами, обращено к среде, где вращаются большие деньги, и в результате притягивает многих способных, перспективных и честолюбивых специалистов. Правда, далеко не все из них получают достойное вознаграждение в качестве экспертов и консультантов, работая подчас и рядом с деньгами «на общественных началах». Интеллект в России всегда ценился меньше, чем он того заслуживает. Впрочем, в одном месте убывает, в другом прибывает — эта истина стара, как мир.

Как принято говорить в тех случаях, когда что-то невозможно подсчитать, «по некоторым оценкам» в России в наши дни существует не меньше 300 политологических центров. Из них, по тем же «оценкам», достаточно известных и относительно профессиональных, возглавляемых вполне квалифицированными специалистами, лишь 10—15. 70% характеризуются как «мыльные пузыри», весь «исследовательский опыт» которых часто исчерпывается вечно отсутствующим директором, в лучшем случае имеющим инженерное техническое образование, и бухгалтером. Тем не менее подобные, процитируем, «паразитирующие на политике экспертные организации имеют 3—4 млн долларов в год»[1]. Умножив эти 3—4 млн на количество «мыльных пузырей», получим сумму порядка 1 млрд долларов в

[1] *Цепляев В., Пивоварова Л.* В коридорах власти пахнет анализами // Аргументы и факты. 2002. Август. № 33. С. 4; *Юревич А.В.* Звездный час гуманитариев: социогуманитарная наука в современной России // Вопросы философии. 2003. № 12. С. 120.

год, что составляет половину официального бюджета нашей государственной науки[1].

Прибыльность экспертной функции науки приводит к тому, что на этом поле развернулась жесткая конкуренция за право считаться экспертом, но прежде всего за заказы. Мобильные и компактные «независимые» институты, исследовательские центры, обладающие преимуществами антрепренерской науки[2], сегодня оттеснили от ее выполнения громоздкие и неразворотливые академические институты. При этом в первых работают некоторые сотрудники этих институтов. Представители академической науки сетуют, что с 1993 по 1997 г. институты РАН подготовили в органы власти 2 тыс. всевозможных аналитических записок, которые эта власть положила под сукно — в отличие от рекомендаций «независимых» экспертов[3]. Преуспели в выполнении экспертной функции всевозможные «институты-карлики», насчитывающие не более 10 человек, и «институты-призраки», весь штат которой состоит из какой-либо известной личности, секретаря и двух-трех ассистентов.

Без преувеличения можно сказать, что экспертная функция в наши дни превратилась в одну из ведущих среди практических функций российской социогуманитарной науки, в том числе политической, «вплетена» в них. Например, технологическая функция — выработка политических технологий — предполагает участие экспертов, причем как на стадии их разработки, так и на стадии внедрения[4].

Такая ситуация неизбежно и не самым лучшим образом сказывается на состоянии, содержании и теоретическом уровне политической науки в России. Эксперты фактически не занимаются ее развитием в силу ориентации на прикладные аспекты, обслуживание предвыборных кампаний, «черный пиар», мелькание на телевидении. Ученые же из университетов и академических институтов, вынужденные зарабатывать на хлеб насущный, редко могут себе позволить проведение глубоких научных исследований, требующих больших затрат сил и времени. В результате российская политическая наука на ее теоретическом уровне остается откровенно периферийной, вторичной, а ученые-политологи являются преимущественно транслятора-

---

[1] См.: *Юревич А.В.* Звездный час гуманитариев: социогуманитарная наука в современной России. С. 120.

[2] Автор термина «научное антрепренерство» Д.Раветц выделяет такие признаки этого типа науки, как склонность браться за любые задачи, предлагать быстрые и плохо продуманные решения, искажать полученные данные в угоду заказчикам, и т.п. // *Ravetz J.* Scientific knowledge and its social problems. Oxford, 1971. См. также: *Юревич А.В.* Указ. соч.

[3] Дневник Общего собрания РАН // Вестник РАН. 1997. № 3. См. также: *Юревич А.В.* Указ. соч.

[4] См.: *Юревич А.В.* Звездный час гуманитариев: социогуманитарная наука в современной России. С. 121.

ми и интерпретаторами знания, произведенного на Западе. Эта роль сильно потеснила естественную для науки функцию продуцирования нового знания. Трудно назвать идеи и теории мирового уровня, которые были бы выдвинуты и разработаны в рамках российской политической науки в последние 10—15 лет. Их просто нет. Остается надеяться, что в ней происходят количественные изменения, которые в будущем все-таки приведут к зримому качественному скачку.

Но и ситуация с собственно экспертной функцией неоднозначна. На Западе проницательных людей давно беспокоит «тирания экспертизы», когда профессиональные знания в сфере политики заменяют собой отрезвляющее воздействие массового общественного сознания. В результате доминирования решений, разработанных экспертами, рядовые граждане еще больше отдаляются от «большой политики», их мнение по сути игнорируется. Исключением остаются чисто электоральные процедуры. Но и они сопровождаются изощренными приемами обработки общественного мнения, манипуляцией сознанием, мифотворчеством и т.д.[1] Этого не избежала и Россия.

Как и в развитом современном мире, в России огромный объем экспертного обеспечения политических решений приходится на государственные органы и ведомства всех ветвей власти. Именно они в первую очередь готовят информационно-справочные и аналитические материалы для Президента и главы правительства, руководителей палат Федерального Собрания и высших чиновников, вырабатывают предложения и рекомендации, просчитывают варианты решения проблем. Разработки внешних экспертов играют не более чем вспомогательную роль в этом процессе[2].

Не подвергая сомнению качество и компетентность предложений экспертов, работающих в аналитических структурах органов власти и управления, подчеркнем, что они являются все же частью государственной машины и, как правило, в своей деятельности не только руководствуются сугубо профессиональными соображениями поиска оптимальных решений, но и вынуждены учитывать более широкий политический контекст, включая правила межведомственных согласований, бюрократически процедуры и аппаратные интриги, от которых не свободно ни одно правительство и ведомство. Психологически они вынуждены защищать корпоративные интересы или, хуже того, обслуживать интересы «короля» — министра или непосредственного начальника.

---

[1] См.: *Фишер Ф.* Американские «мозговые тресты»: политическая элита и политизация экспертизы // Нижегородский журнал международных исследований. 1994—1995. № 2; *Макарычев А.С.* Ученые и политическая власть // Полис. 1997. № 3. С. 89 — 90.

[2] *Загорский А.* Экспертное сообщество и внешнеполитический истеблишмент // Pro et Contra, 2003. Т. 8. № 2. С. 9.

Для современной России характерен и феномен «универсальных экспертов», уверенно высказывающих свое мнение по любым вопросам. В большинстве телевизионных передач российских каналов в обсуждении любых вопросов — от масштабных проблем борьбы с международным терроризмом до трудностей в системе ЖКХ в сельском районе Ивановской области — фигурируют одни и те же люди, как руководители экспертных центров, так и политики, в основном правой ориентации[1]. Последние в данном случае сами себе служат экспертами.

Однако многие проблемы общества не могут решаться на основе чисто «технических критериев» (Д.Белл), поскольку затрагивают ценности и предпочтения. Профессиональные советы экспертов подчас вступают в конфликт с массовыми представлениями и интересами рядовых граждан. Поэтому политики, по крайней мере в демократических обществах, вынуждены балансировать между рационализмом экспертизы и массовым сознанием. Дилемма эта непроста, но от ее решения во многом зависят контуры демократии и проводимая в стране политика.

Не менее важной, однако, сегодня представляется другая проблема: отношения экспертов и политиков. На первый взгляд они выглядят безоблачными. Правительства, министерства, парламенты многих стран, в том числе и России, выделяют немалые деньги для финансирования прикладных экспертных исследований и разработок, выполняемых как государственными аналитиками, так и негосударственными «мозговыми центрами» Исследователи представляют результаты своей работы, пишут аналитические записки «наверх», публикуют доклады. Сегодня решения по самым сложным вопросам внутренней и внешней политики России редко обходятся без предварительной «обкатки» в среде экспертов — правительственных, партийных или независимых.

Тем не менее говорить о гармонии в отношениях между политиками и государственными чиновниками, с одной стороны, и экспертным сообществом — с другой, не приходится. Эксперты из академической среды, как правило, критически воспринимают многие решения и действия политиков, нередко совершенно справедливо рассматривая их как неадекватные, «научно необоснованные», конъюнктурные и сиюминутные. По мнению экспертов, им не хватает концептуального осмысления политических проблем и процессов, поэтому краткосрочные выгоды грозят обернуться долгосрочными потерями, а непринятые сегодня решения по будто бы малозначимым вопросам — упущенными шансами на будущее.

---

[1] См.: *Юревич А.В.* Звездный час гуманитариев: социогуманитарная наука в современной России. С. 120.

Политики и высшие чиновники «платят» экспертам-ученым той же монетой, а часто и более низкого достоинства. И тоже, следует признать, не без оснований. Нуждаясь в концептуальных разработках и теоретических трудах, политики находят в их изобилующих цитатами и ссылками сочинениях мало полезного для своей повседневной практики. Эксперты из академической среды, как правило, не пользуются оперативными источниками информации, составляющими основу деятельности государственных ведомств и политиков. Им мало известны детали проблем, обсуждаемых в процессе межведомственных согласований, межгосударственных переговоров и даже парламентских слушаний, «поэтому они редко попадают в «струю» скрытой от их глаз политической интриги»[1]. Схемы, несомненно, отражают скрытые тенденции в политике, но порой не учитывают частности, которые нередко имеют решающее значение.

Кроме того, эксперты-ученые реагируют, как правило, на официальные публичные заявления и действия политиков, чиновников и правительств, которые на деле могут просто прикрывать реальную, непубличную политику или ту дискуссию, которая разворачивается внутри политического истеблишмента. Поэтому аргументы ученых часто не вписываются в ту политическую «кухню», на которой готовятся реальные решения. У политиков же и высших чиновников складывается мнение, что академические эксперты хуже них разбираются в тех или иных проблемах, а потому вряд ли могут серьезно помочь в их решении и формировании соответствующего политического или хотя бы бюрократического консенсуса[2].

В этом контексте следует обратить внимание на одно весьма важное методологическое обстоятельство. Дело в том, что политические решения принимаются с учетом не только содержания самой проблемы, но и факторов, на первый взгляд имеющих лишь косвенное отношение к ней или вовсе не имеющих такового. Политик, принимая решение, принимает во внимание обстоятельства, которые эксперты нередко не берут в расчет — возможную реакцию общественного мнения или ведущих стран (Запада, мусульманского мира, ОПЕК и т.д.), расстановку сил внутри страны, предвыборную ситуацию и т.д. По этой причине политические решения, которые эксперты справедливо критикуют как неоптимальные с точки зрения логики самой проблемы, представляются политикам вполне оправданными, если их рассматривать в более широком контексте.

---

[1] *Загорский А.* Экспертное сообщество и внешнеполитический истеблишмент. С. 8.

[2] См. там же.

В этой связи принято различать собственно процесс принятия политических решений с одной стороны, и его экспертное обеспечение — с другой. Первое является частью более широкого политического процесса, второе — более партикулярно, локально, высвечивает лишь одну его (политического процесса) сторону. Поэтому политик в лучшем случае стремится «вписать» в более широкий контекст или трансформировать до приемлемого вида советы и рекомендации экспертов, а не просто механически или некритически принимать их. Иначе говоря, не факт, что рекомендация эксперта будет иметь решающее значение для окончательного выбора, который сделает сам политик или правительственный чиновник.

Более глубокое уяснение сути рассматриваемой проблемы требует различать экспертов из академических учреждений, с одной стороны, и экспертов-«прикладников» — с другой. Это различие состоит в том, что значительный объем исследований первых сводится к обобщению накопленных знаний и заканчивается как раз там, где начинаются разработки вторых. Причем от экспертов-«прикладников» нередко требуется понять и кратко изложить суть новой проблемы, которой не посвящена еще ни одна публикация, предложить и оценить варианты ее решения и лаконично аргументировать высказанные рекомендации и советы. Значительная же часть ученых владеет искусством интерпретации политических событий и процессов, однако просто не способна писать для политиков — лаконично и ясно, делая это на малопонятном для них языке.

Есть и другой аспект этой проблемы. Подлинные ученые чаще всего избегают атмосферы поп-тусовок, сопровождающей раскрутку их трудов, поэтому последние часто остаются незамеченными. В политическую же экспертизу охотнее идут люди, для которых такая атмосфера — продолжение их собственной природы, условие существования. По этой причине, с одной стороны, растет значение сил и центров, «раскручивающих» экспертов, с другой — стремительно увеличивается разрыв между экспертизой и наукой.

Взаимная неудовлетворенность политиков и внешних экспертов их отношениями вполне поддается рациональному объяснению. Прежде всего принципиально различна природа их деятельности. У них разные профессии и, соответственно, разные задачи. От эксперта требуется ясно изложить понимание проблемы, предложить варианты решения и рекомендации. Внешний эксперт более свободен в суждениях. Предлагая решения, он не отвечает за их реализацию и произведенный эффект. В худшем случае он рискует потерять репутацию квалифицированного специалиста. Хотя и это ему практически не грозит, поскольку эксперт всегда имеет право на ошибку.

Ответственный политик этого права не имеет[1]. Он должен принимать взвешенные политические решения, учитывать максимум факторов и обстоятельств политической ситуации. В отличие от экспертов именно политики несут полную ответственность за свои решения и действия, прежде всего политическую[2].

Как правило, предложения политикам направляют множество экспертов, каждый из которых уверен в своей правоте и даже непогрешимости. Политики же и чиновники вынуждены считаться с тем обстоятельством, что непогрешимых экспертов не бывает, особенно в ситуации, когда эти предложения или не совпадают, или противоречат друг другу. Тем более что на рынке экспертных услуг можно найти весь спектр политических прогнозов и рекомендаций, на любой вкус. Поэтому политики обычно стоят перед выбором: что предпочесть из множества советов и предложений? Поскольку в России, на наш взгляд, отсутствует отлаженный механизм обсуждения, обобщения и оценки различных экспертных предложений, выбор политиков далеко не всегда бывает адекватным, не говоря уже о тех случаях, когда он обусловлен партийной дисциплиной, идеологией или корпоративными интересами. К тому же нередко политики, психологически нуждаясь в легитимации своих позиций, ищут подтверждения собственной правоты или сложившейся точки зрения в идеях близких по духу экспертов. В таких случаях убедить их принять противоречащее их взгляду решение бывает крайне сложно[3].

Нетрудно понять, что эксперты не вправе рассчитывать на автоматическое принятие политиками всех их предложений, тем более обижаться на отклонение последних. Они обязаны понимать различную природу политической и экспертной деятельности, видеть возможности и границы внесения новых идей в процесс принятия политических решений. Влияние экспертизы чаще всего бывает не прямым, а опосредованным: все вбрасываемые в этот процесс

[1] К сожалению, российская действительность последних десятилетий показала, что отечественные политики слишком часто принимали ошибочные решения и, что еще более прискорбно, слишком легко к этому относились.

[2] Вопрос о политической ответственности довольно сложен, в отечественной науке он не отрефлексирован ни философски, ни теоретически. Не сложилось и соответствующей вызовам времени практики. Принятие столь актуального для России Закона о политической ответственности блокируется большинством политических сил в стране, несмотря на всю риторику, как правило, предвыборную. Без особых преувеличений можно констатировать, что безответственность российских политиков превысила все мыслимые и критические пределы и представляет собой угрозу существованию страны. Подробнее об этом см.: *Митрошенков О.А.* Ответственность в политике и власти: философские аспекты // Россия. Духовная ситуация времени. 2000. № 3—4.

[3] См.: *Загорский А.* Экспертное сообщество и внешнеполитический истеблишмент. С. 9—12.

идеи проделывают сложный путь, проходя через множество существующих способов и процедур их обкатки, шлифовки, отбора, чаще всего бюрократических, а также подготовки и принятия решений. Их качество в конечном счете зависит не столько от уровня высказанных предложений и рекомендаций, сколько от свойств того «котла», в котором они «варятся». Формулируемые экспертами мысли выходят из него чаще всего совершенно неузнаваемыми[1]. Поэтому те, кто именно своим советам приписывает то или иное политическое решение, в абсолютном большинстве случаев выдают желаемое за действительное.

И все же положение не столь безнадежно. Несомненно, эксперты поневоле писали и будут писать большей частью в корзину (или в лучшем случае в ящик стола), а политики нигде и никогда не действуют по их предписаниям, следуя им довольно редко. Причина тому, повторим, — принципиально разные виды деятельности и мера ответственности.

Тем не менее некоторые стратегии и их сочетания, по мнению А.Загорского[2], способны повысить эффективность труда экспертов и их взаимодействия с политиками. К ним исследователь относит следующие.

1. Формирование соответствующего дискурса. Лидеры общественного мнения, элита экспертного сообщества, ученые способны своими трудами, яркими нестандартными выступлениями концептуально влиять на характер политического мышления не только собственно политиков, но и представителей бизнеса, культуры, средств массовой информации и т.д. Это влияние, разумеется, чрезвычайно опосредованно, растянуто во времени, однако сам факт его несомненен.

2. «Дорого яичко к Христову дню» (или «Хороша ложка к обеду»). Идеи экспертов должны быть не только свежими и при этом доходить до адресата (политиков), но и доходить своевременно, в нужный момент. Самые блестящие идеи останутся невостребованными, если они поступят к адресату не вовремя — преждевременно или с опозданием. При этом следует учитывать два обстоятельства: 1) в спокойные времена шансов у идей экспертов быть реализованными меньше, чем в переломные моменты, когда нужда в нестандартных предложениях резко возрастает; 2) эксперты должны учитывать технологические циклы подготовки политических решений и не предлагать свои идеи на последних стадиях, когда их невозможно принять в расчет и реализовать.

---

[1] См.: *Загорский А.* Экспертное сообщество и внешнеполитический истеблишмент. С. 12 — 13.

[2] См. там же. С. 13 — 16.

Экспертная практика также показывает, что, во-первых, умный чиновник никогда не выбрасывает новые умные идеи в корзину, а складывает их в ящик, чтобы извлечь в нужный момент (а такие моменты всегда наступают), и, во-вторых, поскольку на скорое внедрение новых идей в политическую реальность рассчитывать трудно, важно, чтобы портфель свежих предложений у политиков и чиновников не оскудевал.

3. Конструктивное взаимодействие с аппаратом политических ведомств и политическим сообществом. Эффективная экспертная деятельность невозможна как сама по себе, вне связи с политической элитой и высшими чиновниками, так и в конфронтации с ними. Выход один: постоянно сотрудничать с ними. В этом заинтересованы обе стороны: политики — в притоке свежих идей и предложений, эксперты — в конструктивном их обсуждении. Такое сотрудничество бывает непросто наладить, по все же реально. В ряде стран сложилась практика открытого обсуждения политических проблем, когда официальные лица сбрасывают служебные мундиры и выступают в личном качестве на встречах с экспертами. Плодотворным является вынесение экспертами своих предложений на неформальное обсуждение практиков с просьбой прокомментировать, что последним не нравится в них и почему. В рамках международных форумов распространена практика встреч в формате «вторых треков», в которых в неформальной обстановке принимают участие официальные лица, эксперты, общественные деятели.

Подобные практики позволяют лучше понять проблемы и озабоченности политической элиты, обсудить альтернативы, подготовить почву для будущих договоренностей.

4. Публичные выступления в средствах массовой информации. Не все проблемы в силу их деликатного характера могут быть обсуждены даже на неформальных встречах политиков и экспертов. В демократическом обществе у экспертов всегда есть возможность изложить свое видение проблемы в средствах массовой информации. Умные конструктивные публикации, как правило, не остаются незамеченными политиками и их помощниками. Это позволяет дополнить общественный дискурс более адекватными точками зрения, содействует оптимизации принимаемых политических решений.

Сделаем некоторые выводы из данной части размышлений. Мировая и отечественная практика показывает, что говорить об отношениях экспертов и политиков как безусловно гармоничном и безупречном взаимодействии не приходится. Причина кроется в разной природе их деятельности, разных задачах и ответственности. Путь развития экспертного обеспечения политического процесса состоит в оптимизации механизмов взаимодействия экспертов и

политиков. В этом заинтересованы обе стороны. Эксперты должны учитывать потребности политической элиты, принимать в расчет технологические особенности подготовки и принятия решений. Политики же заинтересованы в свежих идеях, в оптимизации процесса отбора рациональных идей и предложений.

Без открытого и конструктивного взаимодействия экспертов и политиков здесь не обойтись.

Экспертиза как социальный и политический институт: проблемы и перспективы

Обеспечивая потребности политики и политиков в сценарных прогнозах, оптимизации решений, выработке той или иной стратегии, современная экспертиза стала значимым социальным и политическим институтом. В этом качестве она может быть как основой разумной и социально ответственной политической практики, так и, что называется, «ученым советом при Чингисхане».

Сложность современного общества, многозначность ситуаций и их общественно-политического смысла, многовариантность потенциальных решений, диверсификация мира политического и его познания — все это порождает немало оснований, причин и поводов для обращения политиков к экспертам и вместе с тем создает почву для добросовестных расхождений во мнениях и оценках специалистов. Последнее обстоятельство, в свою очередь, содержит возможность использования экспертизы в лоббистских целях, маскировки соответствующих проектов под научно допустимые и потенциально эффективные.

Политику приходится самому делать непростой выбор: имеет ли он дело с объективной экспертизой или со скрытым лоббизмом в пользу какой-либо группы интересов, навязывающим ему соответствующее решение или способ действий. Способность экспертизы-лоббизма к мимикрии столь велика, что она без труда принимает облик «независимой» экспертизы, формы инициативы снизу, «требований общественности», «движения» и т.д. Да и сами политики, осознав возможности, вытекающие из разногласий специалистов, научились использовать расхождения и манипулировать экспертизой. Подчас они обращаются к экспертам не столько за адекватным советом, сколько за желаемым ответом, подкрепляющим позиции самих политиков. Иногда политики ссылаются на авторитет науки и экспертов, не желая отказывать напрямую влиятельным силам, тем самым отводя от себя подозрения и удары и сохраняя лицо.

Нередко политики организуют экспертизу и не одну, чтобы отвлечь внимание своих оппонентов, дезориентировать их, заставить

высказаться по навязанному кругу проблем, обнаружить свои мысли, цели, действуя тем временем совсем в другом направлении.

Во взаимодействии политиков и экспертов инициатива и лидерство исторически принадлежали и принадлежат, несомненно, носителям власти. Они приглашают экспертов, распоряжаются результатами их работы. Усложнение политики породило спрос на специалистов, которые способны не просто на «предсказание» того, что хочет услышать политик, а на гораздо большее — поиск оптимальных решений, выбор из нескольких практических вариантов одного, отвечающего ситуации, интересам и ожиданиям. Но и в этом случае заказчиком выступает субъект политики (политик, партия, движение, фонд, ведомство, организация), определяющий цели экспертизы и критерии ожидаемого результата.

Существует несколько факторов, влияющих на характер экспертизы:

а) природа заказчика, его идеология, которые, как правило, обусловливают особенности экспертизы, ее результаты и выводы. К примеру, партия «Яблоко» или МВФ не закажут экспертизу, итогом которой станет предложение укрепить плановые начала и государственное регулирование в рыночной экономике;

б) требования закона, согласно которому ни одно значимое решение не может быть принято без правовых, финансово-экономических, экологических, санитарных и иных заключений. В итоге экспертиза становится звеном в процессе принятия политических решений, миновать которое технически невозможно: решение власти, не подкрепленное требуемым по закону объемом экспертиз, можно оспорить политически и в судебном порядке. Иначе говоря, экспертиза становится элементом политической и правовой легитимации принимаемых решений. Следует, однако, напомнить, что отношение к закону существенно отличается в разных странах, а в России наличие закона и его исполнение — совершенно разные вещи;

в) степень независимости эксперта от институций и лиц, заинтересованных в объекте, предмете, содержании будущей экспертизы. Сегодня экспертиза становится способом создать себе имя, утвердиться как на рынке экспертных услуг, так и — задним числом — в роли научного авторитета, коим данный человек мог не быть даже отдаленно до его «раскрутки» как эксперта.

Поскольку экспертиза выступает источником и средством легитимации, в том числе психологической, основные политические, общественные институты и силы, кроме создания собственных экспертных структур, устанавливают стабильные связи с внешними «мозговыми центрами», консалтинговыми агентствами, аналитическими структурами и институтами. Причем не только с теми, кто способен

дать серьезное объективное профессиональное заключение, но и со специалистами по пропагандистским кампаниям и политическому маневрированию. В этом же ряду находятся и эксперты, политические установки которых известны и которые заведомо выступят за или против, а также персоналии, чье имя действует на избирателей, оппозицию, СМИ, «общественность в стране и за рубежом умиротворяюще либо как красная тряпка на быка»[1] и.т.п., оказываясь тем самым включенным в какую-либо политическую комбинацию или интригу.

Таким образом, в распоряжении политиков имеются «банки экспертизы» на все случаи жизни. Такая «полифония», граничащая с недобросовестностью, подрывает авторитет экспертизы, хотя обслуживать текущие интересы и краткосрочные цели политиков вполне в состоянии[1]. Естественно, это меняет ценностные ориентиры и критерии экспертизы в сторону понижения их уровня и не стимулирует экспертов оставаться на уровне науки.

Чтобы исследователь даже мирового класса стал серьезной величиной в политике и, соответственно, источником надежной политической легитимации, эксперта из него, в частности в России, приходится создавать специально, «раскручивать», превращая его имя в своего рода марку независимо от былых достижений и провалов. Ученый специалист высокого уровня может хорошо разбираться в проблеме и предлагать неплохие решения, однако источником политической и психологической легитимации может быть только эксперт-«поп-звезда», известный массовой телевизионной и широкой политической аудитории. Для России, где сегодня в депутаты Госдумы могут быть избраны актеры, телеведущие, спортсмены, певцы, родственники политиков и т.д., это характерно, пожалуй, больше, чем для какой бы то ни было другой страны.

Такое положение объективно влечет интегрирование экспертов в политические структуры, превращение специалиста в исполнителя, «винтик» в механизме, обслуживающий интересы заказчика или начальника. В этом качестве эксперт ценится намного меньше, нежели независимые специалисты. Тем более что российские исторические традиции, практика авторитарно-бюрократического управления побуждают отечественных политиков именно к такому отношению к экспертам, встроенным во всевозможные «вертикали», структуры и «механизмы».

Под воздействием политики и государства складывается иерархия экспертов и экспертиз, имеющая бюрократическую природу с

[1] *Косолапов Н.* Политика, экспертиза, общество: узлы взаимозависимости // Pro et Contra. 2003. Т. 8. № 2. С. 24. См. также с. 22 — 23.

жестко отстаиваемыми монопольными позициями отдельных лиц и групп, ведомственных и «независимых» центров и институтов[1]. Места в этой пирамиде распределяются не столько в соответствии с научными заслугами экспертов, сколько по уровню принятия решений, которые он обслуживает[2]. В результате «сегодня эксперта-ученого и специалиста все больше вытесняет эксперт по должности, то есть фактически чиновник. Сознавая свою уязвимость, он стремится компенсировать дефицит научных и иных творческих заслуг званиями и степенями, за которыми устремляется в науку»[3].

Как справедливо замечает Н.Косолапов, масштабы и характер этого процесса таковы, что существует угроза опасных мутаций и в науке, и в экспертизе, и в политике. Уровень докторских диссертаций, защищаемых политиками и чиновниками, значительно ниже, чем диссертации истинных ученых. Деньги, заплаченные за многие из этих диссертаций, нельзя вернуть, оставаясь в науке, следовательно, политика будет служить отчасти возврату затраченных средств. Степень же и ранг политика открывают путь в средства массовой информации и к известности, что существенно облегчает публикацию работ вне всякой связи с их научной ценностью. При этом многие «научные центры», известные лишь количеством, но не качеством публикаций, весьма удобны в роли солидных экспертных институтов.

Положение экспертизы как политического института было и остается в России сложным и противоречивым. Вполне квалифицированные экспертные разработки конца 1980-х и на протяжении 1990-х годов наталкивались на жесткое, воинственное неприятие их потенциальными пользователями в высших слоях власти по той причине, что они противоречили проводившейся линии и сужали возможности политического и бюрократического волюнтаризма. Это и понятно: при переделе власти и собственности политики, чи-

---

[1] Мы оставляем в стороне больной вопрос, что за этими монопольными позициями стоят не только авторитет и почет, но прежде всего большие деньги. Не отрицая того, что часть их идет на действительно серьезные исследования и разработки, отметим, что в России значительная их (исследований) часть является средством перераспределения бюджетных денег. При этом заказчики из числа политиков и высших чиновников, начиная с депутатов Госдумы и министров, имеют свою, и весьма существенную, долю в этом перераспределении в виде получения денег за мнимое участие во временных творческих коллективах или элементарного «отката» за подпись на договоре. Это тема отдельного разговора.

[2] См.: *Косолапов Н.* Политика, экспертиза, общество: узлы взаимозависимости. С. 27.

[3] Там же.

новники, бизнесмены мыслят масштабами дней, недель, месяцев и не нуждаются в экспертных заключениях, охватывающих более длительную перспективу, если, конечно, случайно не вписываются в текущую конъюнктуру и интриги элиты.

Более того, в условиях их неуверенности в своих правах на собственность, власть, должность, а также стремления взять немедленно максимум возможного возрастает давление на экспертизу, принимая примитивно-прямолинейные формы вроде требования определенного вывода, и «без всяких фокусов». В контексте, описываемом формулой «кто платит деньги, тот и заказывает музыку», разговоры о «независимости» аналитических структур и «мозговых центров» уже не могут вызывать даже улыбки.

Относительные политическая стабилизация и завершение начального этапа передела собственности и власти обусловливают появление людей, понимающих, что в социуме, политике и государственном управлении существует внутренняя логика, которую опасно игнорировать без всякой меры. Объективно роль экспертизы в обществе, в разных его сферах будет возрастать. Однако подлинные изменения к лучшему возможны тогда, когда заказчиками экспертизы будут не только власть, государство, политики или даже отдельные общественные организации, но прежде всего гражданское общество. Его в России практически нет. Для этого необходима последовательная демократизация общественной жизни и политической системы, что дало бы обществу более эффективные средства контроля над государством, властью, политикой бизнесом.

В современной России с заказом государства и бизнеса на науку и экспертизу дело обстоит плохо, общественный же заказ отсутствует вообще. Между тем лишь наука и ее достижения могут противостоять некомпетентной, недобросовестной, «заказной» экспертизе, манипулированию ею. Российскому обществу — слабому, разрозненному, атомизированному — еще предстоит дозреть до интеллектуальной самостоятельности по отношению к экспертизе. Эта самостоятельность означает, что в обществе должно сформироваться осознанно критическое отношение к экспертизе, обусловленное пониманием необходимости собственного выбора и ответственности за него. Экспертиза в политике должна оставаться лишь мнением специалистов, не более, а исторически несвойственная и навязанная ей функция легитимации решений власти и политических структур — отброшена и забыта. Ибо институт экспертизы — часть гражданского общества, а не наоборот, и тем более не вне его.